

**КРЕАТИВНАЯ РЕЦЕПЦИЯ НЕЗАКОНЧЕННОГО ТЕКСТА: НАРУШЕНИЕ ТРАДИЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ НАБРОСКА А.С.ПУШКИНА «ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ
НА ДАЧУ...» Л.ШВАБОМ)**

© 2015 Е.В.Абрамовских

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 29.09.2015

В центре статьи – творческое восприятие незаконченного текста А.С.Пушкина «Гости съезжались на дачу» Л.Швабом. Рассмотренный тип креативной рецепции – антитетическое дополнение, усиливающее продуцирующую силу творческого потенциала незаконченного текста. Правила игры предполагают: приглашение к участию в диалоге на равных, затем – нарушение равновесия, и, в конечном счете – освобождение реципиента от заложенной авторской интенциональности. Незаконченный текст вновь и вновь порождает в каком-то смысле неисчерпаемый потенциал и явление трансгрессии.

Ключевые слова: креативная рецепция, незаконченный текст, дописывание, творческий потенциал текста.

Незаконченный отрывок А.С.Пушкина «Гости съезжались на дачу» относится к группе отрывков из жизни «света» (наряду с набросками «Мы проводили вечер на даче» и «На углу маленькой площади»). По мнению ряда исследователей, эти отрывки «предшествовали созданию новеллы «Египетские ночи»¹.

В истории литературы существует множество примеров креативной рецепции незаконченных текстов, результатом которой становилось рождение нового текста. Что касается отрывка «Гости съезжались на дачу» – известен факт конгениальной рецепции этого отрывка Л.Н.Толстым. Это пример рецепции, суть которой состоит не в подчинении читателя-писателя авторской интенции, заложенной в тексте, а в создании оригинального произведения – романа «Анна Каренина».

В рамках данной статьи обратимся к реализации «творческого потенциала» пушкинского наброска в стихотворении Л.Шваба.

С этой целью рассмотрим «творческий потенциал» (термин В.И.Тюпы) пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу». По словам Н.Н.Петруниной, ««Страстный» женский характер в отрывке «Гости съезжались на дачу» оказы-

вается явным сюжетным центром»². Набросок сразу формирует и главный конфликт, который будет создавать повествовательное напряжение, – столкновение света и пренебрегающей им героини.

«– Признаюсь: я принимаю участие в судьбе этой молодой женщины. В ней много хорошего и гораздо менее дурного, нежели думают. Но страсти ее погубят.

– Страсти! какое громкое слово! что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романтическая голова? Просто она дурно воспитана...»³.

Очевидно, что эпатирующее поведение Вольской необходимо Пушкину для экспериментального анализа светского общества. В связи с этим важное место занимают рассуждения о русской аристократии – «внуках пирожников и денщиков». «Светский кодекс» поведения оказывается не следованием вековым традициям, а фиктивным институтом общественной жизни. В данном отрывке акцент смещен в сторону социального.

Нарушители общего спокойствия (а это главная функция Зинаиды) оказываются изначально одобряемыми автором. Тем не менее «надрыв» героини, очевидно, поведет к трагедии, и наме-

⁰ Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, филологического факультета.

E-mail: ariadna2@list.ru

¹ Гладкова, Е.С. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света»/ Е.С.Гладкова // Временник Пушкинской комиссии. Кн. 6. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – С. 305 – 322.

² Петрунина, Н.Н. Проза Пушкина: пути эволюции / Н.Н.Петрунина. – Л.: Наука, 1987. – С. 62.

³ Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений / А.С.Пушкин. В 16 т. – М.: АН СССР, 1959. – Т. VIII, 1. – С. 38.

ки на это разбросаны в тексте: «Вероятно, если б он мог вообразить бури, его ожидающие, то от казался б от своего торжества, ибо светский человек легко жертвует своими наслаждениями и даже тщеславием лени и благоприличию»⁴.

Пушкинский сюжет носит почти не скрытый экспериментальный характер; отсюда включение в текст героев-типов («светского человека» и «страстной красавицы»).

Стержнем сюжета в незаконченных произведениях («Мы проводили вечер на даче» и «На углу маленькой площади»), связанных единством замысла с отрывком «Гости съезжались на дачу», также является поведение «страстных» женских натур. Непредсказуемость поступков оказывается генератором сюжетных ходов. В то же время очевидно, что настойчивое обращение Пушкина к «страстным» женским характерам обусловлено стремлением обнаружить мотивацию их поступков, за непредсказуемостью увидеть неизбежность и необходимость. Романная ситуация, создаваемая по этому типу, требует ограниченного числа персонажей, а также экспериментального сюжета, продиктованного незаурядностью героини. Действие такого романа должно разворачиваться «здесь и сейчас», без какой-либо дистанции; читатель оказывается свидетелем «на его глазах» происходящего действия. Это позволяет отнести данную романную модификацию к типу «романа-драмы» (противопоставленного, по мнению Бальзака, «роману-истории») и даже «романа-трагедии». Трагичность разворачивающегося сюжета также жестко предопределена и связана с ведущим типом конфликта такого романа – между пылкой и страстной натурой и «низкой» средой. Однако в пушкинском варианте этот конфликт осложняется внутренней нецельностью героинь.

От Вольской нити тянутся к героине-инфернальнице Клеопатре из новеллы «Египетские ночи», открыто бросающей вызов светскому обществу.

Л.Шваб обращается пушкинскому отрывку в книге «Поверить в ботанику»⁵. По форме рассматриваемый вариант креативной рецепции, закрепленный в создании собственного оригинального текста, представляет собой стихотворение, написанное верлибром. Свободный стих дает автору возможность показать сложную границу перехода от прозы к стиху и наоборот и прикоснуться к специфике пушкинской ритми-

зованной прозы. Приведем стихотворение целиком:

Гости съезжались на дачу
под грохот скрипящего снега.
Дача стояла на склоне
Холма, внизу было озеро.

Хозяина не было дома,
Но предметы располагались таким образом,
Будто он на минуту вышел
И скоро вернется.

По комнатам расходились
Руки держа за спиной.
На коврах висело оружие,
Помутневшее от времени.

Стояла тишина, но княгиня
Сказала, молитвенно сложив ладони:
«Пожалуйста, уедем отсюда.
Здесь страшно. Я вас прошу».

Гости очнулись,
Поднялся невообразимый шум,
И через короткое время
Никого не осталось. (1987 – 1989)

Первая строка полностью повторяет начало пушкинского отрывка – это завязка, выводящая из равновесия действующие силы. Событием является предполагаемая «встреча» гостей в новом пространстве. Дача как топос, настраивающий на определенное времяпрепровождение, светские развлечения, прогулки на природе⁶. Светский раут в творческом потенциале пушкинского текста призван выявить, заострить действия какого-либо героя, его позицию.

Однако уже вторая строка текста демонстрирует совершенно противоположный вектор в развитии действия: «под грохот скрипящего снега». Происходит нарушение стереотипов восприятия, горизонта читательского ожидания, связанного со сменой времени года – «зима», знаком которой выступает «снег». Снег не только «скрипит», но и «грохочет». Оксюморон создает условность ситуации, нереальность, абсурдность происходящего. В пушкинском отрывке не дается подробное описание времени года. По отдельным деталям, разбросанным в тексте, можно воссоздать картину летнего вечера и ночи: из диалога русского с испанцем, восхищающимся «прелестью северной ночи»⁷, из упоминания о

⁴ Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений... – Т. VIII, 1. – С. 40.

⁵ Шваб, Л. Поверить в ботанику / Л.Шваб. – М.: НЛО, 2005. – С. 15.

⁶ Малинова-Тзиафета, О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860 – 1914) / О.Ю.Малинова-Тзиафета. – СПб.: ЕУ СПб., 2013. – 336 с.

⁷ Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений... – Т. VIII, 1. – С. 37.

том, что Вольская три часа просидела на балконе, пока не взошла заря.

Следующие две строки первой строфы содержат уточнение местоположения дачи. Символом является «озеро», несущее информацию уже не о пушкинском, а о чеховском мире – «колдовское озеро» из пьесы «Чайка». Жизнь пушкинских героев словно разворачивается в другой системе координат.

Во второй строфе появляется указание на отсутствующего героя – «Хозяина не было дома». В сюжетной ситуации пушкинского отрывка Хозяйка, наоборот, присутствует, устанавливает порядок вечера, выполняет функцию наблюдения и оценивания поведения героев: «Лишь хозяйка с явным неудовольствием стояла у стола, за которым два дипломата доигрывали последнюю игру в экарте. (...) Хозяйка простилась с нею холодно, а Минского с намерением не удостоила взгляда»⁸. Сама ситуация – пребывание в доме в отсутствие Хозяина – часто встречается в русской литературе (например, «Татьяна в кабинете Онегина», «Германн в спальне графини»). Через узнавание пространства и предметов герой наделяется тайным знанием. В Доме без Хозяина в отрывке Л.Шваба возникает ощущение пустоты, заброшенности и таинственности. Осознание пустоты обретает символическое значение – разрушение дома, утрату традиций, ценностей. По справедливому замечанию М.Айзенберга: «Стихи Леонида Шваба движутся в ритме пушкинских отрывков. Но сюжет не выстраивается, а сгущается как небольшое облако; меняется как воздух после наступления комендантского часа. Только время и место, сведенные током каких-то неясных, но грозных обязательств»⁹.

В третьей строфе описывается ситуация тяжелого ожидания. Она передается в неспешном передвижении гостей по комнатам с жестом обреченности: «руки держа за спиной» и в упоминании об оружии, висящем на коврах. Художественные детали – «оружие», «ковер» – актуализируют интертекстуальный диалог с русской литературой. На этом уровне выстраиваются аллюзии к «Бесприданнице» А.Н.Островского, «Драме на охоте» А.П.Чехова.

В четвертой строфе тишине парадоксальным образом противопоставлено желание уехать. Тишина рождает страх, экзистенциальную тоску. Просьба княгини: «Пожалуйста, уедем отсюда. / Здесь страшно. Я вас прошу». Если у Пушкина

формула «Гости разъезжались» – знак того, что все совершилось: смотр парижских литографий, общий разговор, разговор с испанцем о нравах северной столицы, экстравагантное поведение Вольской, бросающей вызов светскому обществу, реакция общества на вызывающее поведение героини; ирония повествователя по поводу описанной ситуации. В стихотворении Л.Шваба в структуре изображенного в центре сюжета – отъезд, нереализованное событие: уход от «измены», конфликта (вызов обществу, попытка изменить свою судьбу), гибели (самоубийство, убийство), бегство героини от себя самой (страшно, что может совершить). По определению Ю.М.Лотмана, «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля»¹⁰. Перемещение в данном случае приводит к осознанию «себя», внутренних страхов. Перед нами в редуцированном виде представлен универсальный тип сюжетной схемы с трехчастной структурой: «среднее звено связано с пребыванием персонажа в чужом для него мире и/или прохождением через смерть (в том или ином варианте – от буквального до всего лишь иносказательного), первое и третье представляют собой либо отправку в чужой мир и возврат, либо смену состояния, предшествующего кризису, последующим возрождением»¹¹.

Именно в финале стихотворения появляется мотив «сна». Все описанное воспринимается как призрачная реальность, навеянная пушкинским сюжетом. В последних строках описывается «пробуждение»: «гости очнулись», «никого не осталось».

В продолжении Л.Шваба мы видим перевод «творческого потенциала» пушкинского отрывка в иную систему ценностей, определяемую посткреативистской парадигмой художественности. Л.Шваб намеренно обнажает скрепы и механизмы творческого процесса, вовлекая читателя в процесс достраивания смыслов.

Общей тенденцией¹² для различных направлений постсимволистской эпохи является, по

⁸ Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений... – Т. VIII, 1. – С. 38.

⁹ Айзенберг, М. Аннотация [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/863>

¹⁰ Лотман, Ю.М. Структура художественного текста : Семиотические исследования по теории искусства / Ю.М.Лотман. – М.: Искусство, 1979. – С. 282.

¹¹ Тмарченко, Н.Д. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учебных заведений. В 2 т. / Н.Д.Тмарченко, В.И.Тюпа, С.Н.Бройтман; под ред. Н.Д.Тмарченко. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. – Т.1. – С. 206 – 207.

¹² Тюпа, В.И. Постсимволические эстетики адресованности / В.И.Тюпа // Дискурс. – 2002. – № 10. – С. 6–13. – С. 7.

мнению В.И.Тюпы, значимый «учет адресата и предвосхищение его ответной реакции».

Таким образом, можно обозначить несколько интерпретационных слоев, заложенных в стихотворении Л.Шваба: авторская рефлексия на тему – герои в поисках сюжета (ирония по поводу универсальных сюжетных схем); невозможность реализовать сюжет по нарративным стратегиям, заложенным в пушкинском отрывке – преодоление традиции; рождение оригинального сюжета – герои через пушкинскую призму могут загля-

нуть вглубь себя и прийти к осознанию своего «я» в новой ипостаси.

Х.Блум подобный тип восприятия опыта предшественника называет «тессера»¹³ и определяет как антитетическое дополнение, при котором поэт стремится сохранить определенные «пределы», но переосмыслить их.

¹³ Блум, Х. Страх влияния. Карта перечитывания. / Х.Блум; пер. с англ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – С. 18.

CREATIVE RECEPTION OF AN UNFINISHED TEXT: VIOLATION OF TRADITION (BASED ON THE CONTINUATION OF THE OUTLINE OF ALEXANDER PUSHKIN "THE GUESTS GATHERED AT THE DACHA ... " L.SHVABOM)

© 2015 E.V.Abramovskih^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

In the center of the article is a creative perception of the unfinished text by A.Pushkin "Guests gathered at the dacha" L.Shvabom. In this type of reception is enhanced producing power of creativity of an unfinished text. The rules of the game imply an invitation to participate in a dialogue on equal terms, then – the imbalance, and ultimately – the liberation of the recipient from the projected authorial intentionality. The unfinished text again and again generates a sense of inexhaustible potential and the phenomenon of transgression (death and birth to a new level).

Keywords: creative reception, unfinished text, appending, creative potential of text.

^o Elena Valerievna Abramovskih, Doctor of philology, Professor of Faculty of philology. E-mail: ariadna2@list.ru